

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И МИФ ОБ «ИДЕАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ»

Мы не можем и не будем рассматривать проблему интерпретации во всей полноте, хотя само по себе удивительно, что универсальность этой проблемы вовсе не согласуется с попытками в ней разобраться, в частности попытками, предпринятыми со стороны логического сообщества. Наша тема — интерпретация фрагмента естественного языка. Проблемы, связанные с интерпретацией фрагмента естественного языка, порождаются двумя основными факторами: особенностями структуры естественного языка и личностью интерпретатора.

1. Естественный язык как открытая система

В 1960–1970-х годах математики и логики считали задачу формализации естественного языка реально выполнимой. По всей видимости, это было следствием логико-математического энтузиазма тех лет, веры в неограниченные возможности этих дисциплин. Сыграл свою роль, очевидно, и «антигуманитарный пафос» представителей точных наук. Речь не идет о недостатке гуманитарного образования — это была бы слишком примитивная точка зрения. Но общее пренебрежение к «неточным-придуманным», ненаучным мирам искусства и культуры вообще, безусловно, имело и имеет место, будучи следствием профессионального «отпечатка». Иначе как замкнутостью математиков и логиков в своем мире трудно объяснить их непонимание того объекта, который они пытались формализовать.

Обманчивая податливость языка к формализации объясняется еще и тем, что мы, неспециалисты, редко сталкиваемся с ним как с цельным образованием («целое» у Р. Якобсона). Гораздо чаще мы встречаемся с разного рода языковыми артефактами; в их число входят конечные тексты, конкретные «бытовые» языковые ситуации и т. д. Действительно, если текст конечен и не слишком велик, то ничто не мешает нам формализовать его: выделить главный и второстепенные логические союзы, а все остальные слова рассматривать как логические объекты и функции. В дальнейшем можно шаг за шагом рас-

ширять формализованную область, прибавляя к ней новые формализованные фрагменты и т. д. Внешне этот подход выглядит привлекательно, но он не учитывает существеннейшего обстоятельства — требование законченности фрагмента выступает очень сильным ограничением, ценность текста, не включенного в интертекст, весьма невелика. Момент истины наступает, когда от формальной репрезентации конечного текста исследователь пытается перейти к формализации фрагмента естественного языка как открытой системы. Логика, а тем более лингвисты никогда не должны впадать в ошибку отождествления языка с его словарем. Даже после разделения Ф. де Соссюром языка и речи язык остается открытой системой: «Каждое слово, каждый грамматический элемент, каждое выражение, каждый звук и каждая интонация постепенно меняют свои очертания, подчиняясь незримо, но объективно существующему дрейфу, составляющему суть жизни языка»¹.

1.1. Нелинейность языка

Принцип «разрастания малого», когда система может работать в режиме с обострением, — одно из очевидных свидетельств нелинейности системы. В языковом общении мы сталкиваемся с этим принципом повсеместно; например, диалог может возникать в результате внезапного взаимодействия двух языковых субъектов, его размер и интенсивность могут увеличиваться с драматической быстротой: «Сходство языка с взрывчатыми веществами заключается в том, что очень небольшой добавочный стимул может произвести громадный эффект»². Менее заметен, зато постоянен эффект «резонанса слов», порождаемый «комбинациями слов и словесных форм, вне зависимости от их синтаксических связей, благодаря двустороннему действию их существования»³. Слова и элементы, раз только они поставлены в каком-то порядке, не только имеют тенденцию к установлению какого-то рода отношений между собою, но и притягиваются друг к другу в большей или меньшей степени. Поэтому легкость, скорость и «эффективность» языкового выражения достигаются на путях неограниченного расширения и усложнения «игры» с языком, при котором «правила» этой игры делаются все более туманными и неоднозначны-

¹ Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 157.

² Рассел Б. Человеческое познание. Киев, 1995. С. 108.

³ Валери П. Об искусстве. М., 1993. С. 102.

ми»⁴, — а не на пути к позитивистскому идеалу рациональной экономности и единообразия.

Самый наглядный показатель локальной нелинейности текста, т. е. показатель открытости текста для различных толкований и перетолкований, для резонирования с личностными смыслами читателя или партнера по диалогу, — метафора. Метафоричность языка приводит к тому, что каждое слово остается в языковом проявлении «открытым» в смысловом плане до того момента, когда проявление заканчивается; пока оно продолжается, никакое из входящих в текст слов не застраховано от дополнительных сдвигов своего предметного отношения и от изменения своего значения под влиянием новых взаимосвязей. Можно предположить, что и с завершением высказывания заканчивается только внутриконтэкстная «открытость» слова («открытость» микроконтекста). Остаются еще «открытость» макроконтекста и диалогическая «открытость», причем последняя в принципе незавершена.

Одной из функций метафоры выступает заполнение разрыва между конкретными и абстрактными понятиями. Если же рассматривать вопрос в более широком контексте, то эта функция есть одно из проявлений той роли, которую метафора выполняет в языке (образование новых значений): «...всякое новое знание является нам в оболочке старых понятий, приспособленной для объяснения прежнего опыта, и... всякая такая оболочка может оказаться узкой для того, чтобы включать старый опыт»⁵. Метафора заполняет пустоты языковых значений, соответствующих новому опыту. Одним из способов включения метафорического механизма служит параллелизм. «Параллелизм есть не просто стилистический прием синтаксического дублирования по заданной формуле, его применяют для создания эффекта, подобного бинокулярному зрению, — происходит наложение друг на друга двух синтаксических образов с тем, чтобы наделив их объемностью и глубиной, повторяется конструкция, в результате чего воедино связываются синтагмы, которые поначалу представляются лишь свободно следующими друг за другом»⁶. Очень показательным нам кажется сравнение рифмы в поэзии и определения в логике. Роль рифмы в поэзии — поиск *новых* смыслов: рифма как скрытая, разорванная, ослаб-

⁴ Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 112.

⁵ Бор Н. Избр. науч. труды: В 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 207.

⁶ Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 101.

ленная и т. п. метафора. Цель же дефиниции в логике — максимальное совпадение смыслов определяемого и определяющего.

Избежать противоречия между сплошным и необозримо открытым характером каждого языкового проявления и необходимостью воплотить этот процесс в виде отдельных и обозримых произведений, созданных из языкового материала, невозможно: оно присутствует в каждый момент языкового существования. Ведь сам язык представляет собой, с одной стороны, важнейшее средство объективации жизненного опыта, а с другой — неотъемлемый компонент этого опыта, в котором протекает существование говорящего субъекта.

1.2. Дополнительность языка

«Насколько мы вправе надеяться объяснить характерные особенности живых организмов с помощью сведений, получаемых лишь при изучении неживой природы? Ранее я пытался выразить это положение таким образом, что всякая мыслимая экспериментальная установка, имеющая целью следить за поведением составляющих организм атомов настолько полно, насколько это позволяют физические ограничения, связанные с наблюдениями и определениями, такая установка несовместима с сохранением жизни организма. Поэтому естественно возникает мысль, что существенные черты живых организмов, проявляющиеся лишь в таких условиях, когда точный учет их атомарных составных частей исключается, являются закономерностями природы, находящимися в дополнительном отношении к тем закономерностям, которыми интересуются физика и химия»⁷.

В микрофизике экспериментатор составляет часть экспериментальной системы (еще один аспект принципа дополнительности Н. Бора). Можно сказать, что и понимающий составляет часть понимаемого высказывания, текста: «В сущности, все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем, в чем дело, писал Поливанов. Если бы все, что мы желаем высказать, заключалось в формальных значениях употребляемых слов, нам нужно было бы употреблять для высказывания каждой отдельной мысли гораздо больше слов, чем это делается в действительности. Мы говорим только необходимыми намеками»⁸. Раскрывая и обобщая эту мысль, Л. С. Выготский далее замечает, что «в случае наличия общего подлежащего в мыслях себе-

⁷ Бор Н. Избр. науч. труды. Т. 2. С. 209–211.

⁸ Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1996. С. 336.

седников понимание осуществляется сполна с помощью максимально сокращенной речи с крайне упрощенным синтаксисом; в противоположном случае понимание совершенно не достигается даже при развернутой речи»⁹. Бор говорил о серии картин японского художника Хонукаи «Сто видов Фудзиямы», что эти картины — лучшее воплощение его идеи дополнительности: одна и та же гора предстает в каждой из картин по-новому, общее впечатление возникает из всей их совокупности. «В конечном счете непосредственное употребление каждого слова находится в дополнительном отношении к подробному анализу его собственного смысла»¹⁰. Существенной чертой дополнительных понятий выступает то, что, если мы изучаем объем и содержание одного из них, отвлекаясь от другого (в данном случае от «речи»), мы должны отдавать себе отчет, что целое («естественный язык») при таком изучении ускользает от нас. Дополнительность любого текста выражается в том, что каждый речевой субъект в силу уникальности своего опыта восприятия и употребления слов прочтет (поймет) текст по-своему, поэтому только учет многообразия восприятий позволит в полном объеме представить его (текста) смысловой потенциал.

Имевшие место попытки «формализации отношений дополнительности»¹¹ закончились безусловным провалом. Ничего другого ждать и не остается от подхода, который ставит логику в положение трофейной команды: «Пока нет общепризнанной логической теории дополнительности... Объясняется это тем, что логика дополнительности разрабатывается в рамках формализованной квантовой механики, трудности же формализации физических теорий весьма существенны. По-видимому, возможности такой формализации будут всё расти *по мере углубления содержания микрофизики и по мере связанного с углублением содержания и формы науки уточнения ее языка* (курсив наш. — В. Б.)»¹². То есть когда физики откроют свои законы и уточнят свой язык, мы, логики, это уточнение формализуем — попытаемся перевести с языка математики на язык логики.

В том, что природа речи — живая или по крайней мере настолько «многоформенна и разнотемна»¹³, что никакой анализ не приведет к пониманию этого явления как целого, сомневаться не приходится.

⁹ Там же. С. 337.

¹⁰ Бор Н. Избр. науч. труды. Т. 2. С. 212.

¹¹ Логика и физика. Свердловск, 1975. С. 40.

¹² Там же. С. 41.

¹³ См.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Насколько жив в этом смысле язык? Мы полагаем, отделение Соссюром языка от речи — слишком сильная абстракция, т. е. образование, познанное под скальпелем логики, грамматики, структурализма и т. д., неживое по определению, имеет весьма отдаленное отношение к тому, что мы хотели бы познать. Очень ясно эту неразделимость языка и речи выразил В. Гумбольдт: язык, в сущности, есть нечто постоянно, в каждое мгновение исчезающее... Он есть не дело, не мертвое произведение, а деятельность, т. е. самый процесс производства. Поэтому его истинное определение может быть только генетическое: язык есть вечно повторяющееся усилие духа сделать членораздельный звук выражением мысли. Это — определение не языка, а речи, как она каждый раз произносится, но, собственно говоря, только совокупность таких актов речи и есть язык.

Суммируя наши возражения против применения логического аппарата к «языку» как целому, мы позволим себе следующую аналогию: если методология науки занимается поиском структурных факторов в естественных науках как открытых системах, то языкознание занимается тем же в области «языка» как открытой системы. Логический же аппарат к анализу открытых систем не приспособлен, он работает только в финитных ситуациях. Примером (практически единственным) финитной ситуации в языке является конечный текст. О том, какие ограничения должны накладываться на текст, чтобы его можно было считать «конечным», мы поговорим ниже.

1.3. О формализации фрагмента естественного языка

Когда на определенной стадии исследование требует проведения семантического анализа естественно-языкового текста, очень часто принимается допущение, что результат такого анализа однозначен и безошибочен. Поскольку смысловая открытость (а следовательно, и возможность различных трактовок) обычного естественно-языкового текста, усиленная индивидуальными различиями в его прочтении, вряд ли может послужить хорошей иллюстрацией к вышеуказанному допущению, исследователь, сознательно или бессознательно, прибегает для доказательства этого к приему, который трудно назвать безупречным: семантический анализ проводится не в отношении естественно-языкового текста, а применительно к уже построенной хорошей модели, т. е. к уже формализованной «области опыта». Так, в работе «Обратная теорема» приводится пример «успешного» семантического

анализа, на основе которого строится искусственный логический язык (ИЛЯ). Попытаемся разобраться в причинах такого успеха.

*ИЛЯ ориентирован — с точки зрения его «лексики» — на элементарную геометрию и арифметику*¹⁴.

То есть изучаемая «совокупность опыта» есть не что иное, как теоретическая модель. Идем дальше.

*Предметные области и предикаты ИЛЯ находятся в предельно простом отношении со словами естественного языка: всякое значимое (выделено нами. — В. Б.) слово естественного языка может быть словом логического языка, если только оно имеет точный (выделено нами. — В. Б.) смысл*¹⁵.

Безошибочный отбор значимых слов, каждое из которых имеет точный смысл, — слишком сильное требование для естественного языка, если и осуществимое, то только при работе с конечным текстом. Но тогда речь идет не о соотношении логического и естественного языков, а о простом переводе на язык логических символов уже формализованного конечного текстового фрагмента.

*Среди различных способов выражения в естественном языке той или иной логической информации могут быть выделены стандартные: в принципе каждое предложение может быть подвергнуто стандартизации, после которой логико-семантическая информация становится выраженной однозначно*¹⁶.

Однозначности добиться можно, но как выбирать, к какой из двух (трех и т. д.) однозначных возможностей сводить многозначное предложение естественного языка? Для этого необходимо уже иметь эталон, т. е. опять же формализованную модель. Но если есть модель, то незачем лезть в дебри естественного языка — гораздо проще решать задачи на точном языке модели.

Типичная ошибка при попытке формализации открытой системы состоит в том, что явно либо по умолчанию вводятся очень серьезные ограничения, которые превращают открытую систему в закрытую, — и тогда вместо формализации получается формальная репрезентация (навешивание символов).

¹⁴ Корчевская Т. Д., Падучева Е. В. Обратная теорема. М., 1978. С. 22. — Здесь и далее мы не заключаем цитаты из этой книги в кавычки, а выделяем их курсивом и помещаем отдельным абзацем.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ Там же. С. 27.

2. Миф об «идеальном исследователе»

Иногда предложение можно понять, лишь читая его в правильном темпе. Мои предложения следует читать медленно.

Л. Витгенштейн

Семантический анализ уже построенной хорошей модели — лишь одно из возможных «решений». Второе, не менее популярное «решение», о котором и пойдет ниже речь, — это принятие абстракции идеального исследователя. Очень редко нам прямо представляют указанное «лицо», чаще всего его присутствие и его возможности предполагаются заранее данными. Возможности такого исследователя поистине безграничны: ему всегда и в полном объеме известен ситуационный контекст, он знает также языковой контекст высказывания, и, как следствие первого и второго, его семантическая трактовка безошибочна, вдобавок ко всему он — интересующий, а значит, все прагматические проблемы сняты и вышеупомянутая трактовка не только безошибочна, но и однозначна. Вот как вкратце выглядит эта абстракция или, если хотите, этот мифический образ. Покажем также в первом приближении те проблемы, с которыми приходится сталкиваться реальному исследователю при семантической интерпретации естественно-языкового фрагмента.

В строении всякого текста выделяются три уровня, каждый с двумя подуровнями (по Б. И. Ярхо):

1) верхний уровень — идейно-образный, семантический:

- а) идеи и эмоции;
- б) образы и мотивы;

2) средний уровень — стилистический:

- а) лексика;
- б) синтаксис;

3) нижний уровень — фонический, звуковой:

- а) метрика и риторика;
- б) собственно фоника, звукопись.

Нижний уровень мы воспринимаем слухом: чтобы уловить в стихах хореический ритм или аллитерацию на «р», нет даже надобности знать язык, на котором оно написано, это и так слышно.

Средний уровень мы воспринимаем «чувством языка»: чтобы сказать, что такое-то слово употреблено не в прямом, а в переносном

смысле, а подобный порядок слов возможен, но необычен, нужно не только знать язык, но и иметь привычку к его употреблению.

Наконец, верхний уровень мы воспринимаем умом и воображением: умом понимаем идеи и эмоции, зрительным воображением представляем себе, к примеру, синий свод, а слуховым — говор вод¹⁷.

Уже сама по себе классификация уровней текста дает богатую пищу для размышлений, а ведь есть еще масса языковых нюансов, которые вытекают из этой классификации, но не лежат на поверхности: «Почему лирика чужого народа никогда вполне не раскрывается для нас, даже если мы изучили его язык? Игру созвучий мы слышим, мы воспринимаем рифму за рифмой и усваиваем образы, сравнения и содержание: все чувственные формы, все предметы схватить мы можем. Чего еще недостает? Дифференциальных впечатлений: малейшее отступление от обычного в выборе выражений, в комбинации слов, в расстановке и изгибах фраз — все это может схватить лишь тот, кто живет в стихии языка, кто благодаря живому сознанию нормального, непосредственного поражен всяким уклонением от него, подобно чувственному раздражению. Но область нормального в языке простирается еще далее. Всякий язык обладает характерной степенью абстрактности и образности; повтораемость известных звуковых сочетаний и некоторые виды сравнений принадлежат к области обычного: всякое отклонение от него ощущает лишь тот, кому язык близок как родной»¹⁸.

2.1. Звуковая сторона слова

Воздействие языкового и ситуационного контекстов на прочтение данного текста будет рассматриваться нами в следующем пункте. Здесь же мы остановимся на тех составляющих текста, которые делают его открытым для разных прочтений, даже если данный конечный текст воспринимается вне какого-либо контекста. Речь идет о таких элементах языка, как звуковой состав текста, интонация, окраска голоса и темп. Каждый из них в разной мере определяется текстом. Так, если звуковой состав практически полностью задан текстом, то интонация задана уже в гораздо меньшей степени; еще более затруднено влияние текста на окраску голоса и темп.

Говоря о роли интонации в тексте, можно выделить три основных ее функции:

¹⁷ Гаспаров М. Л. Избр. статьи. С. 142.

¹⁸ Шкловский В. Теория прозы. М., 1983. С. 33.

1) синтаксическая — интонация выступает одним из основных признаков предложения;

2) смысловая — высотная противоположность может послужить средством смысловой противоположности слов и предложений;

3) экспрессивная и апеллятивная (ср.: «сюда иди» и «иди сюда»).

Если синтаксическая функция интонации довольно жестко определена текстовой пунктуацией, то смысловая и экспрессивная допускают множество часто совершенно разных прочтений (пример — рассказ Достоевского о шести мужиках, диалог которых состоял из одного слова).

Единственное средство, которое может в тексте скрытно определять тембр, — эмоциональные оттенки содержания. Но само по себе это средство недостаточно, о чем свидетельствуют многочисленные ремарки в драматических текстах («гневно», «весело», «капризно» и т. д.), с помощью которых автор стремится сообщить актеру свое представление об изменении окраски голоса. Добавим, что очень часто источником двусмысленности в общении служит ирония.

Изменением темпа может быть осуществлена градация смысловой значительности. Так, пауза выступает носителем значения, оказываясь, например, способной сама по себе «обозначать» эмоциональное возбуждение. Она может даже стать эквивалентом совершенно определенного значения, если детерминирована своим положением в окружающем контексте; это происходит, например, в диалоге, когда ответом или, наоборот, вопросом может быть простое молчание.

В качестве иллюстрации вышесказанного приведем несколько вариантов одного простого предложения в изъяснительном наклонении:

Иванов уехал отдыхать на Кавказ.

Иванов уехал **отдыхать** на Кавказ.

«Иванов» уехал **отдыхать** на Кавказ.

Иванов уехал... **отдыхать** на Кавказ¹⁹.

Если же учесть, что здесь представлены только простейшие варианты акцентов и окраски речевого сообщения, то понятно, насколько многообразно может быть высказывание, которое первоначально было определено как простое предложение в изъяснительном наклонении.

Все сказанное о звуковой стороне языка, как мы полагаем, подчеркивает проблематичность однозначного семантического анализа текста.

¹⁹ Логика и язык. М., 1985. С. 39.

2.2. Языковой и ситуационный контекст

Пока текст не закончен, значение любого слова в нем может подвергнуться изменению, иногда весьма существенному. Причем не обязательно вносить изменения в уже написанное, достаточно добавить несколько новых слов и предложений, которые представят высказывание в новом контексте. Далее все происходит автоматически: пластичность языковых форм такова, что они без труда принимают на себя новые оттенки значений, и диссонанс между старым и новым контекстами просто растворяется в них.

Любой комплекс слов, если фразовая интонация просигнализирует нам о нем как о предложении, станет для нас коммуникативной единицей, в которую мы будем, хотя бы даже насильственно, вкладывать общий смысл. Смысловые единицы, из которых состоит предложение, воспринимаются в непрерывной последовательности независимо от сложной архитектуры синтаксического подчинения и господства: каждая единица, следующая за другой, воспринимается уже на ее фоне и на фоне всех предыдущих единиц. Поскольку метафора есть результат взаимодействия — не важно, мыслей или объектов, — становится понятно, почему именно она наиболее чувствительна к малейшему изменению контекста: «Существует бесчисленное множество контекстов (и практически к их числу принадлежат все интересные случаи), где значение метафорического выражения должно реконструироваться с учетом намерений говорящего (и других частных), так как правила стандартного употребления слишком широки для того, чтобы обеспечить нас необходимой информацией»²⁰.

Но и после того как текст написан, наш интерес к нему в большой степени определяется тем, что этот текст является частью интертекста, т. е. тем, в какой макроконтекст он входит и как в свете этого макроконтекста он выглядит. «Смысл слова, говорит Полан, есть явление сложное, подвижное, постоянно изменяющееся в известной мере сообразно отдельным сознаниям и для одного и того же сознания сообразно с обстоятельствами. В этом отношении смысл слова неисчерпаем. Слово приобретает свой смысл только во фразе, но сама фраза приобретает свой смысл только в контексте абзаца, абзац — в контексте книги, книга... в контексте всего творчества автора»²¹. Например, «Дети Арбата» А. Рыбакова в контексте советской литературы 80-х

²⁰ Теория метафоры. М., 1990. С. 157.

²¹ *Выготский Л. С.* Мышление и речь. С. 348.

годов воспринимались совсем иначе, чем воспринимаются сейчас, в контексте российской литературы начала XXI в. Это пример контекстной диахронии, явления чрезвычайно распространенного, когда смена контекста ведет к новому (чаще менее заинтересованному) восприятию текста.

Если языковой контекст исследователь при проведении семантического анализа может хотя бы попытаться учесть, то ситуационный контекст высказывания восстановить нередко просто невозможно.

В свете вышесказанного становится понятной природа афоризма. Сила афоризма в том, что это языковое образование свободно от любого контекста, точнее говоря, этот тип высказываний строится так, чтобы, даже попадая в тот или иной контекст, сохранять максимум смыслового суверенитета. Достигается такая независимость за счет претензии на всеобщность, например — «Ум всегда в дураках у сердца» (Ларошфуко, «Максимы»), и в этом слабость афоризма, так как почти всегда можно найти контрпример.

2.3. Уникальность опыта восприятия и употребления слов

Знание каких бы то ни было компонентов языка неотделимо от житейского, интеллектуального, эмоционального опыта субъекта, в процессе которого это знание приобреталось и пускалось в ход. Оно укоренено в переплетениях ассоциативных ходов — словесных, интонационно-жестовых, образных, сюжетных, конфигурации которых неотделимы от личности субъекта.

Касаясь этой же темы, М. М. Бахтин говорил о «бесконечной градации степени чужести (или освоенности) между словами»²². Представьте себе, например, путь от первой встречи со словом «менталитет» до включения его в свой разговорный словарь — какими разными дорогами каждый пришел к этому «финалу» и сколь многие остановились где-то на полпути. Но как же тогда нам все-таки удастся понимать друг друга? Только сходство жизненного опыта и совпадающее в условиях сходного опыта словоупотребление обеспечивают то взаимопонимание, которое мы имеем. Соответственно, чем больше различий между людьми во всех сферах жизни и чем более несовпадающим будет опыт употребления слов, тем меньше шансов на взаимопонимание между ними. Это тривиально, но об этом часто забывают, если речь идет о людях, говорящих на *одном* национальном языке.

²² Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 492.

«Даже два человека одного положения и одной местности, — пишет Э. Сепир, — говорящие на одном и том же диалекте и வாцающиеся в той же социальной среде, никогда не будут одинаковы по складу речи. Тщательное изучение речи каждого из них вскроет бесчисленные различия в подробностях — в выборе слов, в структуре предложения, в относительной частоте использования тех или иных форм и сочетаний слов, в произношении отдельных гласных и согласных и их сочетаний, во всех тех чертах, которые придают жизнь разговорному языку, как то: быстрота речи, акцентуация, интонация»²³. Чувственная окраска слова не только изменяется от одной эпохи к другой, но и чрезвычайно разнится у отдельных индивидов, в зависимости от личных ассоциаций каждого, и меняется даже время от времени в отдельном индивидуальном сознании, по мере того как под воздействием жизненного опыта данное сознание формируется и подчиняется тем или иным настроениям.

Таким образом, каждый речевой субъект представляет собой уникальный личный языковой мир, который не совпадает, а лишь соприкасается и взаимодействует с другими такими же мирами. Эти субъекты никак не могут рассчитывать на полную идентичность своего знания языка, но они могут рассчитывать на то, что в пределах коммуникативного сообщества, членами которого они являются, имеет хождение некоторый — неопределимый с точностью, но достаточно обширный — общий корпус выражений, заведомо известных членам данного сообщества, и существуют единые принципы работы с этим «общим достоянием многих»²⁴. Выработка же такого общего корпуса происходит в процессе совместного употребления слов в конкретных ситуациях: «Всякое общение между людьми черпает свою долю уверенности только из практики — благодаря подтверждением, которые практика нам преподносит»²⁵.

Исследованию проблем переводимости текста с одного языка на другой посвящена огромная литература. Семиотики и филологи предлагают, например, иерархию уровней текста, где по мере продвижения от низших уровней (уровень фонем) к высшим (уровень крупных семантических блоков, общий замысел текста) перевод оказывается все более и более легким. Так, если при переводе художественных текстов (особенно поэтических) соответствия между текстами должны уста-

²³ Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии. С. 138.

²⁴ Применение логики в науке и технике. М., 1960. С. 510.

²⁵ Валери П. Об искусстве. С. 325.

навливаться и на низших уровнях, а это часто не представляется возможным (непереводимость Пушкина, например), то составить *summary* какого-либо научно-технического текста — не проблема.

Темы перевода мы здесь коснулись только для того, чтобы оттенить проблему уникальности индивидуального опыта употребления и восприятия слов естественного языка. Мы хотим подчеркнуть, что возникающие у каждого исследователя при соприкосновении с языковым материалом образные представления неотделимы от личного жизненного опыта и всего строя личности именно этого субъекта. Если какая-то частица языкового материала не вызвала в сознании исследователя образного отклика, она оказывается потерянной для него как факт семантического анализа. И наоборот, «бывают случаи, когда смысл того, что человек хотел сказать, представляется ему куда яснее, чем он в состоянии выразить словами (со мной это случается часто). При этом в воображении человека как бы явно присутствует некое видение, только ему не удается описать его так, чтобы оно стало зримым и для другого человека»²⁶. Взаимное недопонимание возникает именно при попытках четко разграничить слова.

Подведем некоторые итоги. Формализация отнюдь не является универсальным приемом для решения всех теоретико-познавательных проблем. В этом отношении показательна эволюция взглядов Л. Витгенштейна на естественный язык, которую можно проследить, сравнив ранний «Логико-философский трактат» и поздние «Философские исследования». «Трактат» — это попытка *здать* «правильный» естественный язык, которая привела к тому, к чему только и могла привести при такой установке, — к наброску искусственного языка. Причем ввиду отсутствия ясной формализующей процедуры этот набросок носит чрезвычайно абстрактный характер.

Объект «Философских исследований» — тот же естественный язык. Разница в том, что Витгенштейн уже отказался от попыток (в принципе безнадежных) *здать* естественный язык; в «Философских исследованиях» он размышляет об игровых подходах при работе с естественным языком.

Усилия логики, строящей финитные модели, и естественного языка как инфинитной модели мира направлены в противоположные стороны. Эффективность языкового выражения достигается на путях неограниченного расширения и усложнения «игры» с языком, в то

²⁶ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 163.

время как путь к логической модели (понятию, суждению и т. п.) заключается в четкой формулировке правил и безусловном сохранении их в пределах данной предметной области. Как следствие, логический анализ фрагмента естественного языка может быть успешным только при принятии очень сильных ограничений, накладываемых на данный фрагмент.

Что же касается второго ключевого фактора, то нам кажется, что исследователь, способный давать безошибочную и однозначную трактовку фрагмента естественного языка, — это идеализация, лишенная какого-либо научного обоснования.

Миф «об идеальном исследователе» и логический анализ естественного языка являются двумя базовыми схемами, которые используются при решении проблемы интерпретации. Если допустить, что поиск решения в этих направлениях лишен перспективы, тогда становится понятен дефицит серьезных исследований данной проблемы в рамках логической теории. Таким образом, проблема интерпретации требует принципиально нового подхода и должна решаться практически с чистого листа.